

Карл Маркович БАЙПАКОВ

Мадияр Елеуович Елеуов

КАНГЮЙ, КАНГХА, КАНГУ ТАРБАН

Мақалада қытай, парсы деректері, орхон жазуларының, қазба жұмыстарының негізінде Кангюйдің мекен-жайы мәселесі қарастырылады және Кангюй кезеңінде Сырдарияның төменгі ағысы мен Ферғана арасында бой көтерген мәдениет кангюйліктерге тиісті деген тұжырым жасалынады.

Makalede Çin, Fars yıllıkları ile Orhun yazıtları ve arkeolojik kazı çalışmaları sonucunda Kangyu'nun coğrafik yerleşim yerini tespit etme meselesi ele alınarak, Kangyu döneminde Sirderya'nın aşağı akışı ile Fergana şehri arasında oluşan kültürün Kangyu'lara ait olduğu görüşü ileri sürülmektedir.

Одна из наиболее сложных проблем древней истории и археологии Казахстана - «Кангюйская» связана с общей проблематикой комплекса исследований посвященных эпохе «Великого переселения народов» [1].

Среди круга вопросов этой проблемы, которые остаются дискуссионными следует назвать вопрос о локализации Кангюя китайских источников и сопоставления его с Кангхой Авесты, Шахнаме и Кангу Тарбаном орхонских надписей.

Это также вопрос о Кангюе, как одном из ранних государств Центральной Азии, его политической и экономической истории; вопрос о народе Кангюя и Кангу Тарбана, кангюйской традиции в истории Казахстана и культуре Кангюя, Кангхи, Кангу Тарбана по археологическим источникам.

Основной причиной многих неясностей в решении Кангюйской проблемы является крайне ограниченный круг письменных источников, сведения которых, к тому же, отрывочны и противоречивы, что порождает неоднозначные их интерпретации.

Расширение археологических исследований и накопление новых данных позволяет сделать несколько высказываний по указанной проблематике.

История вопроса локализации государства Кангюй и его пяти владений Сусе, Фумо, Юени, Ги, Юйцзянь начинается с И.Бичурина, определившего их местоположение в степях к северу от р. Сырдарьи. Он писал: «Владение Кангюй занимало степи от Сырдарьи к северу, на которых ныне кочуют Большая и Средняя казачьи (казахские) орды». И.Бичурин опирался на сведения «Шицзи», где сказано следующее: «Кангюй лежит почти в 2000 ли от Давани на северо-запад. Это кочевое же владение, в обыкновениях сходствует с юечжийцами, имеет до 20000 войска. Кангюй смежен с Даванью и по малосилью своему признает над собой на юге власть юечжийцев, на востоке власть хуннов»[2].

В династийной хронике старшей Хань «Цянь Ханьшу» в главе «описание устройства земель» есть раздел, посвященный Кангюю, в котором дословно говорится следующее: «Кангюйский владетель пребывание имеет в стране Лоюени, в городе Битянь, за 12 300 ли от Уанань. Он не зависит от наместника. От Лоюени семь дней пути до летнего владетелева местопребывания. ...Народонаселение состоит из 120 000 семейств, 600 000 душ; строевого войска 120 000 человек. Обыкновения одинаковы с большим Юечжи. Кангюй на востоке подчинен хуннам...»[3].

На этой источниковедческой базе сложились две основные точки зрения по во

просу локализации: первая - Кангюй занимал обширные пространства среднеазиатского междуречья от Ташкентского оазиса до Хорезма; вторая - владения Кангюя были сосредоточены в долине р. Сырдарьи от низовьев и до Ташкента, коренные же земли размещались по среднему течению Сырдарьи; в долинах Сары-су, Чу, горах Улутау.

Первую точку зрения отстаивал С.П.Толстов [4]. На востоке, считал он, земли Кангюя доходили до Ферганы (Давань); на юге граничили с Парфией и Бактрией; на западе включали Бухарский оазис и Хорезм. Пять владений располагались следующим образом: Сусе — в области Шахрисябса на Кашкадарье; Фуму — в область Кушания на р. Зеравшан; Юени — в Ташкентском оазисе; Ги — в Бухаре; Юегянь — в Хорезме, который был центром всего государства.

Основной оппонент С. П. Толстова в этом вопросе А. Н. Бернштам считал, что восточная граница земель Кангюя проходила по р. Талас. Пять владений Кангюя размещены им следующим образом: Юегань — в Хорезме; Ги — в низовьях Сырдарьи; Фуму — к северо-западу от Яны Кургана до Казалинска; Сусе — в среднем течении Сырдарьи, бассейне р. Арысь и склонах Каратау; Юени — в Ташкентском оазисе. Территория по среднему течению Сырдарьи, по мнению А.Н.Бернштама, была коренными землями кангюев. Здесь же локализуется, по его мнению, легендарная Кангха Авесты, Будахишн и эпической Шахнаме [5].

Важно то, что А.Н.Бернштам отождествлял Кангюй с конкретными археологическими культурами, выделенными им и другими исследователями: каунчинской, отрарско-каратаусской и джетыасарской.

Существенным вкладом в разработку вопросов локализации Кангюя явились труды С. Г. Кляшторного и Л. М. Левиной. Первый обобщил все известия о Кангюе в письменных источниках и проанализировал основные суждения по локализации кангюйских земель [6]. М. Левиной же была проделана большая работа по систематизации и обобщению данных, накопленных археологией. Ею охарактеризованы три основные культуры долины Сырдарьи кангюйского времени, предложена их периодизация. Исследователь пришла к выводу, что рассмотренные ею культуры — джетыасарская, отраро-каратауская, каунчинская являются вариантами культуры населения государства Кангюй [7].

К вопросам локализации Кангюя и его владений обращался Ю.Ф.Буряков [8]. Он развил положение о территории Кангюя, которая охватывает всю долину Сырдарьи от Ташкента до Жанадарьи и Кувандарьи. Столицу Кангюя Битянь, он локализует в болотистых низинах Жанадарьи и Кувандарьи и отождествляет с городищами Чирик-Рабат, Бабиш-Мулла или Алтын-асар. Сусе исследователь отождествляет с Суябом, а Фуму - с землями малого владения Гуйшуань, Ги с Самаркандом, Юегань с Хорезмом. Коренные земли Кангюя он помещает в регионе распространения джетыасарской культуры. Отмечая близость каунчинской и отрарско-каратаусской культуры, Ю.Ф.Буряков рассматривает их как родственные и размещает в ареале их распространения владение Юени с центром на городище Канка.

Попытку локализации пяти владений Кангюя недавно выдвинул А.Н. Подушкин [9].

Здесь же присутствует и попытка определения маршрута Чжан-Цяня, который автор «прокладывает» через городища Алтынтобе и Караспан. В число столичных городов-ставок пяти владений, по мнению А.Н.Подушкина, попадают опять-таки городище Алтынтобе размеры и планировка которого характерна для небольшого поселения, неизученное пока городище Караспан и городище Кок-Мардан, которое в регионе Отрарского оазиса не самое крупное. Ничего неизвестно и о нижних слоях

городища Тараз, которое априоры также отнесен к числу столичных.

В целом же следует констатировать, что гипотезы о локализации владений Кангюя носят надуманный характер, ибо в китайских источниках нет точных бесспорных географических реперов, и исследователи зачастую отстаивают положения, исходя из материалов, исследованных «своих» памятников и районов.

Достаточно убедительно об этой ситуации писал в свое время Ю.А.Заднепровский [10].

Сейчас же можно констатировать, что Кангюй, большинством исследователей помещается на Сырдарье, Келесе, Арыси, Таласе, северных и южных склонах Каратау.

Исследователи кангюйской проблемы придерживаются также положения о тождестве Кангюя Чжан Цяня и Кангхи Авесты и Шахнаме [11].

Уже отмечалось, что археологические памятники Кангюя отнесены к каунчинской, отрарско-каратауской, джетыясарской археологическим культурам. Первая была распространена в Ташкентском оазисе; вторая – в районах среднего течения Сырдарьи в предгорьях Каратау до Таласа; третья – в бассейне Кувандарьи и Жанадарьи.

А.Н.Подушкин выделил арысскую культуру. Центр ее локализуется в предгорной и горной части долин Арыси и Бадама [12]. Однако, ареал распространения Арысской культуры не очерчен, а на приведенных в работе картах памятники ее помещены и в Ташкентском оазисе, где локализуется каунчинская культура и в Отрарском оазисе, и на склонах Каратау, в районах распространения отрарско-каратаусской культуры. Таким образом, выделенная культура, если следовать А.Н.Подушкину, как бы растворяется и в каунчинской и отрарско-каратаусской культурах.

Наиболее хорошо изучены памятники каунчинской культуры: поселение Актобе, расположенное неподалеку от Чардары на правом берегу Сырдарьи (Ташкентский оазис). Один из раскопов полностью вскрыл дворцовое здание, из пяти крестообразно расположенных помещений, входного комплекса и двух коридоров, огибающих постройку с запада и востока. В центре его находился квадратный зал (3,6х3,6 м), который сообщался со всеми остальными помещениями арочными проходами. Помещение отапливалось очагом типа камина.

Помещения, расположенные вокруг зала, перекрыты коробовыми сводами, а одно из них — куполом, который является одним из ранних типов купольных перекрытий в Средней Азии и Казахстане. Стены, перекрытия, арочные проходы во дворце выполнены из прямоугольного и квадратного сырцового кирпича.

Принципиальное значение для датировки дворцового комплекса имеет находка погребения в купольном помещении. Захоронение совершено в деревянном решетчатом гоофу. Покойник лежал на спине головой на запад. Характерен инвентарь: два сосуда из дерева, серьга из сплава серебра и золота, украшенная зернью и вставками черного камня, берестяной футляр для колчана и лука, деревянный лук с костяными накладками, железный кинжал, две железные пряжки с подвижным язычком. По инвентарю погребение точно датируется рубежом IV—V вв., следовательно, верхняя хронологическая граница жизни поселения относится к началу IV в. н. э.

В зоне распространения каунчинской культуры исследовались могильники Шаушукумский, Жаман-тогай, Торейбай-тумсык. Покойники захоранивались в катакомбах. Сопровождались погребенные керамическими сосудами. В мужских погребениях найдены предметы вооружения; мечи, кинжалы, наконечники стрел, костяные накладки на лук; в женских преимущественно предметы украшения: бусы, зеркала, серьги, нашивные бляшки на одежду. Сравнительный анализ материала, полу-

ченного из погребального инвентаря, дает; снование датировать погребение пер. пол. I тыс. н. э. [13].

Одним из центров концентрации памятников отрарско-каратауской культуры являлся Отрарский оазис. Здесь, на сравнительно небольшой территории, около 100 кв. км, находятся остатки свыше пятидесяти бугров-тобе различной величины. Среди них Кок-Мардан, Пшук—Мардан, Костобе, Ахай-тобе, Мардан-Куик, Каламтобе, Джалпактобе и др. Раскопки были проведены на городищах Кок-Мардан, Мардан-Куик. Наиболее крупным в оазисе являются городища Джалпактобе и Мардан-Куик.

Хорошо изучено городище Кок-Мардан. Площадь чуть более двух гектаров.

Самая верхняя планировка была выявлена лишь на небольших участках. Было замечено, что город в последний период своей жизни переживал упадок. Постройки его ветшали и постепенно забрасывались. Датируется верхний строительный горизонт VI-первой половиной VII вв.

Следующий, более нижний горизонт показал, что город, состоял из массивов кварталов, разделенных магистральными улочками и переулками. Дома, как правило, однокомнатные, реже двухкомнатные. Интерьеры домов стандартны. Напротив входа, ближе к центру, находился подпрямоугольный напольный очаг. В одной из стен дома на уровне пола или чуть выше выдалбливалась овальная ниша для камина. Обычно на ее пол ставилась глиняная жаровня. По периметру комнаты у стен устраивались суфы. В углах устанавливались сосуды для воды и продовольствия. Сосуды стояли у стен. Обычно это хумы, водоносные кувшины, горшки. Если дом двухкомнатный, то вторая комната — кладовая, а в ней хумы или бочкообразные сосуды в виде цилиндрических емкостей из необожженной глины. В них хранили просо, рис, пшеницу, ячмень, горох. Рядом с очагом на полу лежали зернотерки или жернова. Иногда в домах сооружался специальный постав для жернова. В некоторых домах имелись ниши, обычно в углах помещений. Перед ними имелось небольшое возвышение, где, судя по слою золы, возжигали ритуальный огонь.

Один из домов выделяется своей нестандартностью. Вход в него вел по ступенькам вниз, в помещение площадью около 20 кв. м. Напротив входа в стене на высоте 0,5 м находилась ниша подпрямоугольной формы, обрамленная по краю налепом в виде рогов барана. Под нишей имелся двухступенчатый подиум — алтарь размером 1,5x1 м. То, что дом выполнял функции святилища, — несомненно. Доказательством служат и найденные здесь массивные глиняные светильники, слой чистой золы на алтаре.

Помимо Кок—Мардана предварительные археологические раскопки обнаружили слои пер. пол. I тыс. н. э. на городище Пшук—Мардан, поселениях Костобе южное и северное [14].

В Отрарском оазисе и близлежащих районах исследовались могильники Кок-Мардан, Кыр-Кескен, Мардан-Куик [15]. Здесь также отмечены разнообразные формы погребальных сооружений. Массовый материал получен при исследовании могильника у городища Мардан-Куик (Коныр-тобе) [16]. Раскопкам подвергся оплывший холм с уплощенной вершиной. Высота его до 2,5 м, диаметр до 45 м. Выяснилось, что он содержит погребения, которые залегают на глубине от 0,4 до 1,5 м от вершины холма. Погребения, в основном, совершены в могильных ямах прямоугольных очертаний. В нижней части ямы обложены сырцовым кирпичом, сырцом же перекрывались склепы. Расчищено около ста погребений. В 12 случаях зафиксированы погребения в керамических сосудах. В основном, это дети, подростки. Взрослых же хоронили на дне могильной ямы, в одежде, с вещами личного обихода (украшения, оружие), сопровождающей пищей и питьем в керамических сосудах (кувшины, кружки). Анализ

погребального обряда и сопровождающего инвентаря позволяют отнести основную часть расчищенных погребений могильника Коныр-тобе к позднему этапу культуры оседлых кангюйских племен и датировать его III-V вв. н. э.

В восточном Приаралье с середины I тыс. до н. э. до сер. I тыс. н. э. как отмечалось развивалась джетыясарская культура. Памятники этой культуры, а это более полусотни укрепленных городищ, сотни курганных могильников, сосредоточены по самым северным древним сырдарьинским протокам Кувандарья. Археологические исследования вскрыли на городище жилую застройку и систему фортификации. Как показали стратиграфические исследования, городища появились здесь уже в середине I тыс. до н. э.

На раннем этапе все джетыясарские городища однотипны. Они представляют собой мощные двухъярусные тобе округлой, овальной формы, высотой 10—20 м и до 8—10 га площадью. Ядро каждого городища возводилось на мощном пахсовом цоколе — стилобате. Все городище укреплено развитой системой фортификации, а внутри сплошь застроено домами-секциями.

В строительных конструкциях использовали пахсу, крупноформатный (60x30x10, 40x25x10) сырцовый кирпич. При возведении сводов использовался трапециевидный сырцовый кирпич, в перекрытиях жилых помещений, в дверных проемах и при использовании деревянные конструкции. В помещениях устраивались суфы вдоль стен, на полах очаги, в кладовых стояли хумы.

Наиболее характерными для кангюйцев являются погребения в катакомбах (двух типов), в подбойных и простых могильных ямах под курганами, в склепах.

Вокруг каждого джетыясарского городища располагаются могильники, насчитывающие тысячи погребальных сооружений. Они относятся к двум основным видам: подкурганные грунтовые захоронения и склепы. Большая часть из них — подкурганные грунтовые ямы. Они могут быть двух основных подтипов: с подбоем и нишами. Вокруг кургана фиксируется небольшой ров. Могильные ямы ориентированы обычно длинной осью по линии север-юг. Тело умершего, завернутое в камышовую циновку в вытянутом положении, клали на пол ямы или в подбой. Рядом размещались 2-3 керамических сосуда. В мужских погребениях обычны ножи, мечи, сложные луки с костяными накладками и стрелы. В женских погребениях часто встречаются бронзовые зеркала, раковины, серьги, бусы, браслеты. Вторую группу джетыясарских погребений представляют кирпичные склепы. В камеру вел пологий дромос, который также имел сводчатое перекрытие. Прямоугольная камера (в среднем 3,5x2 м) внутри имела лежанки-суфы вдоль двух-трех стен. Покойника, завернутого в циновку или кошму, укладывали на лежанку. Вокруг размещали сопровождающие его вещи, керамическую посуду. Наземные склепы имели тот же вид, что и подземные, только сооружались они на невысоких пахсовых цоколях-стилобатах и, видимо, также перекрывались курганной насыпью. Анализ материалов, найденных в погребениях, дает основание заключить, что грунтовые могильники существовали на всем протяжении джетыясарской культуры, а появление склепов относится к более позднему времени — II-IV вв. н. э. [17].

Близость памятников этих культур, бесспорно, она видна в устройстве и планировке поселений, в строительной технике, интерьере жилищ, в фортификации в погребальном образе, в хронологии керамических комплексах, вооружении, украшениях и т.д.

Для нас более важно то, что при сравнительной культурной характеристике регионов Центральной Азии эпохи Кангюя выделяется единая культурно-хозяйственная зона от низовьев Сырдарьи до Ферганы. Для нее характерны оседлая земледельческо-

скотоводческая экономика, монументальная архитектура и фортификация, небольшие укрепленные поселки как ведущий тип расселения, слабо развитое ремесло, ограниченность денежного обращения и др. признаки [18].

Все вышесказанное свидетельствует о близости культур, и на наш взгляд правильнее говорить не о разных, хотя и близких культурах каунчинской, отрарско-каратауской, джетыасарской, арыской и других, а об одной культуре и ее вариантах. Количество таких вариантов будет расти и уже сейчас можно говорить о Келесском, Таласском, Чуйском, Ферганском и других. Видимо, справедливо будет назвать эту культуру «сырдарьинской» и связать ее в этнополитическом плане с Кангюем и с кангюйцами, в судьбах которых важную роль сыграли вначале хунну, а затем согдийцы и тюрки. Роль согдийцев была значительной в районах распространения каунчинского варианта культуры, а роль тюрков – в районах распределения отрарско-каратауского и джетыасарского вариантов сырдарьинской культуры.

В этой связи следует проследить историю тюркского государства Кангу-Тарбана на Средней Сырдарье.

В VI в. в Центральной Азии складывается государственное объединение Тюркский каганат, вскоре распространивший свое влияние на обширные территории.

В период победоносных войн первых пятнадцати лет VIII в. границы Восточнотюркского каганата, пределы власти тюркских каганов на западе доходили и включали в себя местность Кангу Тарбан [19]. В древнетюркских рунических надписях в честь Бильге-Кагана и Кюльтегина сказано: "...Вперед (т.е. на восток) за Кадырканской чернью мы поселили таким образом народ и завели в нем порядок; назад (т.е. на запад) вплоть до Кангу Тарбана, мы поселили таким образом тюркский народ и завели (в нем порядок)" [20].

Попытки локализации Кангу Тарбана предпринимались неоднократно. Э.Паркер сопоставлял область с хребтом Тянь-Шань китайских источников, ограничивающего с юга страну кыргызов. Ф.Хирт полагал, что Кангу Тарбан является вторым названием Железных ворот. По его мнению, С.Г.Кляшторного Тарбан находился на Средней Сырдарье. Населением владения были, скорее всего, упоминаемые в источниках племена кангаров-кенгересов [21].

И.Маркварт, а вслед за ним З.В.Бартольд сопоставили название кангар с древним названием Сырдарьи (Канг). Кенгересы орхонских надписей, по их мнению, тождественны кангарам-печенегам, упомянутым в трактате Константина Багрянородного (середина X в.). Первый исследователь предлагал локализовать кангаров-печенегов в Приаралье и низовьях Сырдарьи [22]. Эта гипотеза была принята С.П.Толстовым и А.М.Щербаком [23]. С.Г.Кляшторный считал, что кенгересы расселились на средней Сырдарье, где в VIII в. сформировалось территориальное и политическое образование Кангу Тарбан со столицей в Тарбане - Отраре под общим сюзеренитетом печенежских племен [24].

Новые данные о локализации владения Кангу Тарбан и кенгересов получены в последние годы в результате археологических исследований.

Работы Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции на средней Сырдарье, в Отрарском оазисе дали большой новый материал, характеризующий древний и средневековый период истории этого района [25]. Интересные сведения были получены для периода раннего средневековья при раскопках цитадели VI-VIII вв. городища Куйрук-тобе. Здесь была открыта постройка дворцового типа, сооруженная из пахсовых блоков и сырцового кирпича, датированная VI-VIII вв.

Цитадель, как показали раскопки, погибла в результате сильного пожара.

На полах и в завалах парадного зала найдены доски от подпотолочного фриза базы колонн, обугленные детали перекрытий, часть из которых была покрыта художественной резьбой [26].

Ближайшие аналогии куйрукскому резному дереву имеются в материалах Согда и Усрушаны [27].

Особый интерес представляют обугленные доски от подпотолочного фриза, некогда украшавшего стены замка. Сюжеты на них божественного и светского содержания.

На одной из досок показана чета божеств, на зооморфных тронах, адоранты у подножия тронов, сцена осады замка, который охраняет божество с луной и солнцем в поднятых руках.

Светская сцена украшала поверхность еще одной сохранившейся доски. Середину доски занимает группа из четырех человек, обрамленная круглой аркой.

В центре стоят в полуоборот друг к другу мужчина и женщина, безусловно, знатные особы. У женщины, она стоит слева, округлое лицо с широким плоским носом, миндалевидные глаза. На голове плоская шапочка, на лбу диадема с украшением. Из-под шапочки на правое плечо свисает косичка, перехваченная через равные промежутки завязками. В правом ухе серьга в виде овального шарика на подвеске, на шее ожерелье из крупных неправильной формы бус. Сверху на женщине накидка.

У мужчины лицо сохранилось плохо. На голове у него шапочка с околышем, одет он в халат с запахом на левую сторону (правая пола наверху). Правой рукой мужчина обнимает женщину, кисть его руки лежит на плече женщины, а левая, поднятая ладонью вверх, поднесена к лицу женщины. Женщина правой рукой сжимает левую руку мужчины, у локтя.

Персонаж, стоящий слева от пары, изображен в фас, у него округлое лицо с плоским носом, на голове нечто вроде тюрбана, на лбу узкая повязка либо обруч. В мочки ушей продеты серьги в виде овального шарика на подвеске, на груди гривна с шариками на концах. Одет он в халат, на груди которого орнамент в виде розетки из перлов. Под халатом была рубаха со стоячим воротником.

В левой согнутой руке персонаж держит какой-то предмет. Фигура, помещенная справа от знатной четы, тоже изображена в фас. Голова и черты лица разрушены, персонаж одет в халат, из-под которого видна рубаха со стоячим воротником, в руках он держит что-то похожее на поднос или блюдо [28].

Отдельные детали резьбы на доске - арки, четырехлепестковые розетки находят широкие аналогии в раннесредневековом искусстве Средней Азии [29]. Сходство с куйрукской обнаруживает сцена в росписях из Афрасиаба, на северной стене зала I. Похожая сцена встречена в живописи Балалык-тепе [30]. По мнению Л.И.Альбаума такие сюжеты с характерными "жестами рук" связаны с обрядовыми сценами сговора между сватами жениха и невесты [31]. Может быть и на резной доске из Куйрук-тобе изображена подобная сцена.

Вне сомнения на деревянной доске из цитадели Куйрук-тобе изображены тюрки. Физический облик персонажей характеризуется монголоидными признаками. У них широкие безбородые лица, плоские носы, глаза с косым разрезом.

Внешний облик их близко напоминает тюрков из свиты самаркандского царя Вархумана на росписях Афрасиаба и тюрков в сцене погребения из Пенджикента, сопоставляемый Л.И.Альбаумом с похоронами тюркского правителя Чакын Чур-Бильги [32]. Аргументами в пользу тюркской принадлежности персонажей на резной

доске из Куйрук-тобе могут служить также одежда - халаты с отворотами и запахом на левую сторону. Именно такую одежду "носят" древнетюркские каменные изваяния из Семиречья [33].

Гривна на одном из персонажей в виде прута с двумя шариками на концах аналогична гривнам на тюрках в росписях Афрасиаба [34]. Серьги в виде шарика на стерженьке, украшающие уши куйрукских изображений, находят аналоги в соответствующих аксессуарах в каменных изваяниях Семиречья [35].

Проникновение в VII-VIII вв. тюрков в городскую среду, их важная роль в жизни городов Южного Казахстана, Семиречья и Средней Азии хорошо известна. В ряде среднеазиатских владений правили тюркские династии, тюрки занимали важные государственные должности, входили в состав знати и рядового оседлого населения. Так, в Семиречье, судя по именам и титулатуре целый ряд городов в VIII в. подчинялся тюркским правителям [36]. В брачном контракте начала VIII в. с горы Муг жених - знатный тюрк Утегин и невеста - согдиянка Дугдгонча, жительница семиреченского города Навакета, рассматриваются как представители общем знати [37].

Пенджикентом в конце VII - начале VIII в. управлял тюрк Бильге-Чекин-чур [38], а правителем Усрушаны был одно время тюрк Карабугра [39]. Известно, что Тохаристаном владел тюркский наместник, а Хутталяном - тюркская династия [40]. Тюркская знать управляла Шашем [41].

Отрарский оазис не представлял исключения и принадлежал, как и многие другие владения, тюркам, более конкретно, видимо, кенгересам-кангарам-печенегам и на резной доске из парадного зала цитадели Куйрук-тобе изображены представители печенежской знати.

В данной связи приобретают особое значение сделанные при раскопках цитадели Куйрук-тобе и в Отрарском оазисе находки монет. Они двух типов. У первого на одно-П: стороне изображен идущий лев, на другой - руническая монограмма "н+уш", у монет второго типа шагающий лев с изогнутым хвостом в круге из точек, на оборотной - монограмма "ат". Монеты чеканились в конце VII-VIII вв [42]. Тамга на монетах первого типа в виде знаков X и близко напоминает тамгу печенегов, приведенную Махмудом Кашгарским [43]. Это еще одно доказательство в пользу Кангарской принадлежности местных владетелей в период VII-VIII вв. и отождествления раннесредневекового Кангу Тарбана и Отрарского оазиса.

Таким образом, видимо, Отрарский оазис в древности и раннем средневековье был Центром Кангюя, Кангхи и Кангу Тарбана. Кангарский (Печенежский) по нашему мнению является керамика, выделенная в Отрарском оазисе. Это кувшины с рифленным горлом, кружки с зубчатыми ручками, чаши, покрытые темневишневым, коричневым либо черным ангобами и украшенные вдавленным орнаментом в виде полуovalов, треугольников, елочки. Датируется эта керамика VII - первой половиной IX в. [44].

Она, как выяснилось, характерна также и для Средней Арыси, где она была собрана в раскопках на городище Жувантобе и в погребениях Борижарского могильника [45]. Поэтому в состав владения Кангу Тарбан следует включить и среднее течение Арыси с городищами Шортобе, Жуантобе и Караспан, и уникальным могильником Борижары с погребениями в катакомбах датируемых I-VII вв. и в наусах второй половины VII-VIII вв. [46].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бернштам А.Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // Изв. АН КазССР, № 1, сер. археологическая, вып. 2, А-Ата, 1950, с. 59 и сл.; Байпаков К.М. Взаимодействие оседлого и кочевого населения как фактор развития этнических процессов // Вестник АН КазССР, 1987, № 8, с. 23.
2. Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, с. 165-179; Литвинский Б.А. Кангюйско-Сарматский фарн Душанбе, 1968, с. 14-23; Филанович М.И. Зарождение и развитие города и городской культуры Ташкентского оазиса. Т., 1982, с. 101.
3. Бичурин И.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т II, М.-Л., 1950, с. 150, 152.
4. Там же, с. 184.
5. Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948, с. 20-24.
6. Бернштам А.Н. Проблемы древней истории. С. 98.
7. Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. С. 155-178.
8. Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сыр-Дарьи. М., 1972.
9. Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития..., с. 107; он же. Археологические материалы к этнической истории бассейна Средней Сыр-Дарьи в древности и средневековье. // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Т., с. 56.
10. Подушкин А.Н. Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н.э. – IV в. н.э. Туркестан 2000. С. 163-173.
11. Заднепровский Ю.А. Рецензия на книгу: Боровкова Л.А. Запад Центральной Азии во II в. до н.э. – VII в. н.э., 1989 Восток № 3, 1991, С. 155-159.
12. Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. М., 1964. С. 171.
13. Подушкин А.Н. Арысская культура Южного Казахстана. С. 103.
14. Максимова А.Г., Мерциев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968. С. 201.
15. Байпаков К.М., Подушкин А.И. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана. Алма-Ата, 1989. С. 61-70.
16. Нурмуханбетов Б. Работы курганного отряда. // Археологические открытия 1974 г. М., 1975, с. 492; Он же. Могильник Мардан. // КСИА, вып. 154, М., 1978.
17. Байпаков К.М., Смагулов Е.А. Новые данные по археологии Отрарского оазиса // Известия АН КазССР, сер. общ. наук, 1990, № 6, С. 21.
18. Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М. 1996.
19. Массон В.М. Раннесредневековая археология Средней Азии и Казахстана УСА. Вып. 1. М., 1976. С. 6.
20. Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964. С. 155--156.
21. Кляшторный С.Г. Ук. соч., С. 179.
22. Кляшторный С.Г. Ук. соч., С. 163.
23. Marquart J. Veber das Volkstum der Komannen AGWG. Bd XIII № 1 1914 S. 26.
24. Bd. XIII Бартольд В.В. Новый труд о половцах. Соч., т. IV, М., 1964. С. 404-405.
25. Толстов С. П. Огузы, печенеги, море Даукара. СЭ, 1950, № 4, с. 51-52; Щербак А.М. Знаки на керамике и кирпичях из Сарке Белой Вежи. МИА, № 75, 1959. С. 367-372.
26. Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. С. 157, 178.
27. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972; Они же. Позднесредневековый Отрар. Алма-Ата, 1981.
28. Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI-начало XII вв.) Алма-Ата, 1986. С. 48-58.
29. Воронина В. Л. Архитектурный орнамент древнего Пенджикента. // Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М., 1957, рис. 16, 17, 18, 26а; Негматов Н.Н. и др. средневековый Шахристан. Душанбе, 1966, табл. X; Негматов Н.Н., Пулатов У. П. и др. Урта-Курган и Тирмизактепа. Душанбе, 1973, рис. 33-33.
30. Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья в VI - начале XIII в. Алма-Ата, 1986. С. 52-58, рис. 9-10-11.
31. Воронина В.Л. Архитектурный орнамент древнего Пенджикента. рис. 25 е; Негматов Н.Н. и др. Средневековый Шахристан, с. 149; Альбаум Л. И. Балалык-тепа. Ташкент, 1960, рис. 122, 123; Шишкин В.А. Варахша. Ташкент, 1963. С. 169, рис. 78; Кызласов Л.Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим. ТКАЭЭ, т. 2. М., 1959. С. 199, рис. 33, 1.
32. Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975. С. 69, рис. 21.
33. Альбаум Л.И. Балалык-тепа. С. 128-129, рис. 97-98.

33. Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. С.72.
34. Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья, л., 1966, табл. II, III, IV и др.
35. Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. С. 32-33.
36. Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья, табл. XVII, 73.
37. Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья. Соч., т. II, ч.2, М, 1964. С.37-38.
38. Согдийские документы с горы Муг. Вып. II. Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В.А.Лившица. М., 1962. С.17.
39. Лившиц В. А.. Правители Пенджикента в конце VII - начале VIII в. - В кн.: Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. (Тезисы Всесоюзной научной конференции в г. Пенджикенте ТаджССР 26-31 авг.1977 г). Душанбе, 1977. С.43-44.
40. Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. С.147.
41. Гафуров Б.Г. Талжики. С.229-231.
42. Смирнова О.И. Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1969. С.32-34
43. Бурнашева Р.З. Монеты раннего средневековья с городища Отрар-тобе и Отрарского оазиса. - В кн.: Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975. С.68.
44. Материалы по истории туркмен и Туркмении (МИТТ). Т.1. М.-Л., 1939. С.309.
45. Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата. 1986. С.58, рис.12
46. Байпаков К.М., Грищенко А.Н. Раскопки городища Жуантобе. Новости археологии Международного Казахско-Турецкого университета им. Х.А Яссави, 1997. С. 84-86
47. Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. С.58.